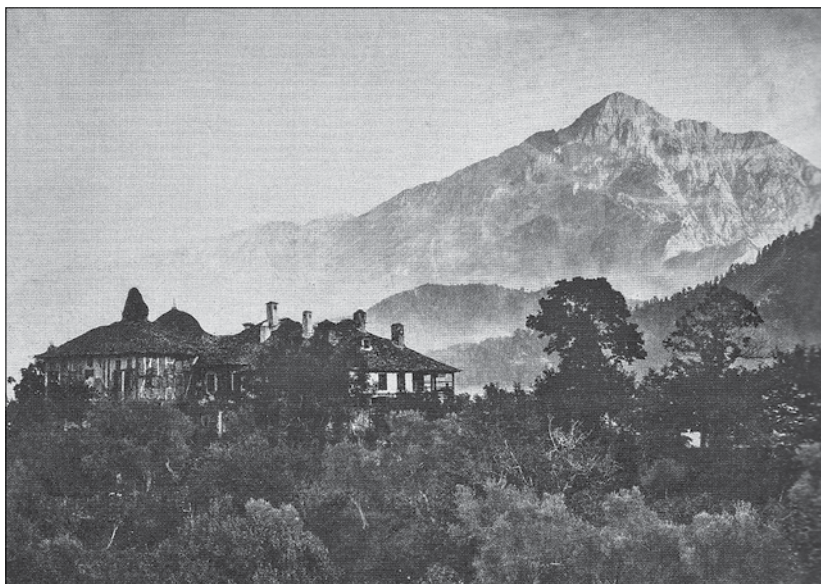

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

Вид на Афон из Кареи

Вершина горы Афон

1. Иеромонах Григорий, духовник

Отец Григорий родился в славном своей историей городе Миссолонги и был одним из отроков, спасённых при героическом миссолонгском прорыве*. Его фамилия была Манолатос, по всей вероятности, предки отца Григория были родом с острова Кефалония. Придя на Святую Афонскую Гору, он стал монахом и священником в Новом скиту, в каливе** святого Спиридона Тримифунтского. Видя добродетели отца Григория, насельники Нового скита предложили

* *Миссолонгский прорыв* — одна из героических страниц Освободительной войны Греции 1821–1829 годов. В Вербное воскресенье 10 апреля 1826 года около 3000 греческих бойцов, женщин и детей прорвали блокаду города Миссолонги, осаждённого 50-тысячной армией турок и египтян. Почти все жители погибли во время боя и резни, учинённой ворвавшимися в город турецко-египетскими войсками.

** *Калива* (греч. καλύβα — хижина) — небольшой отдельно стоящий домик, где живут один или несколько монахов. В каливе обычно нет храма, калива не имеет собственной земли.

главенствующему монастырю святого Павла поставить его духовником*. Известно, что затем он отправился на поклонение в Иерусалим. Вернувшись из паломничества, отец Григорий какое-то время подвизался в каливе Честного Предтечи в скиту святой Анны.

Приблизительно в середине 1850-х годов отец Григорий ради более высокой духовной жизни переселился в Малый скит святой Анны, где стал подвизаться в каливе Успения Пресвятой Богородицы. Кроме отца Григория в его братстве были ещё двое: иеромонахи Косма и Дамиан.

Устав келии был таков: неопустительное совершение богослужений суточного круга и ежедневная Божественная Литургия. Накануне каждого воскресного дня вместе с отцами соседних келий они совершали всенощное бдение — то в одной, то в другой келии по очереди. В те времена район Малого скита святой Анны был очень бедным, безмолвным и безводным. Но все эти трудности превозмогала ревность отцов к жизни аскетической. Отец Григорий с братией жили за счёт рукоделия: они вязали свитера и носки, а также делали простую деревенскую обувь. Кроме этого, у них был маленький огород, чтобы обеспечивать себя необходимыми овощами.

Отцы жили безмолвной и подвижнической жизнью, не отвлекаясь на лишнее и не занимаясь ненужным. Немногие посетители, осилившие подъём до их каливы, просили отца Григория принять их на исповедь,

* В греческой Церкви исповедовать может не каждый священник, а только тот, над кем архиерей совершил хиротэсию в духовника. В духовники избираются наиболее благоговейные священники, обычно старше 40 лет.

поскольку распространилась молва о добродетельном и рассудительном духовнике. Как духовник он отличался строгими принципами. Смотря на исповедовавшихся у него монахов сквозь призму подвижничества, отец Григорий был взыскателен, требовал акривии* и совершенства. Его отличали духовные сила и ведение. Он был настолько строгим постником, что в среду и пятницу никогда не разрешал себе вкусить пищи с растительным маслом, даже на Светлой седмице. Нравом отец Григорий был кроток, очень молчалив, сострадательен, благодать его души сияла и была видна другим. Образование у него было лишь самое элементарное, однако, постоянно читая Священное Писание и аскетические сочинения святых отцов, он приобрёл духовные знания.

Отец Григорий обладал огромным опытом, умел распутывать даже самые сложные духовные случаи, подобно искусному врачу предлагая исповедающимся те или иные духовные лекарства. Кроме этого, старец отличался прозорливостью в различении помыслов и видений братии.

Однажды иеромонах Даниил из каливы Трёх Святителей пришёл к отцу Григорию и открыл на исповеди, что ему было видение святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Он рассказал, как поспешил пасть в ноги Василию Великому, и тот подставил ему для поклонения большой палец ноги. Услышав этот рассказ, старец Григорий распознал

* *Акривия* (греч. ἀκρίβεια — точность, строгость) — принцип отношения к священным канонам, монашеским правилам и установлениям и вообще к Преданию Церкви с позиции строгой определённости и ненарушимости.

бесовскую прелесть: «Да, батюшка мой, большому же бесу ты поклонился! Ты что же думаешь: если бы это и правда был святитель Василий, стал бы он перед тобой ногами своими трясти?»

У отца Григория исповедовался и известный на Святой Афонской Горе безмолвник Каллиник. Однажды, когда приближался престольный праздник каливы отца Каллиника, он спросил духовника, можно ли на праздничной трапезе предложить пищу с растительным маслом, поскольку престольный праздник выпадал на среду. «Подвижники — они постятся всегда, — ответил отец Григорий. — Престольный ли праздник, не престольный — разницы им никакой». Так, на праздничной трапезе отцы вкушали сухари и варёные овощи без масла.

Послушник отца Каллиника часто ходил в Дафни, относя на почту письма своего старца. Нередко он был вынужден совершать богослужения суточного круга по чёткам в пути, однако мучился помыслом: считается ли это за службу? Вместе со своим старцем они спросили об этом своего духовника отца Григория, и тот задал простой вопрос послушнику:

— Скажи-ка, если бы по дороге в Дафни ты нашёл на тропинке кошелёк и взял его себе, то считалось бы это кражей?

— Конечно, считалось бы! — ответил послушник. — Это было бы грехом и я должен был бы в этом исповедоваться.

— Ну так если недоброе дело, сделанное по пути, считается недобрым и вредит тебе, тот как может не считаться богослужением та служба, которую ты совершил в пути по чёткам? Конечно, она считается службой, и не мучайся помыслами на этот счёт.

Однажды в Иверский монастырь пришёл страшный разбойник — капитан Георгакис. Он требовал причастить его и угрожал в противном случае сжечь монастырь. Отцы не знали что делать и позвали отца Григория. Старец, благодаря своей рассудительности, благодатью Божией успокоил разбойника, и тот, следуя его совету, сначала исповедался, выдержал пост, причастился Святых Христовых Таин, а затем в корне изменил свою жизнь.

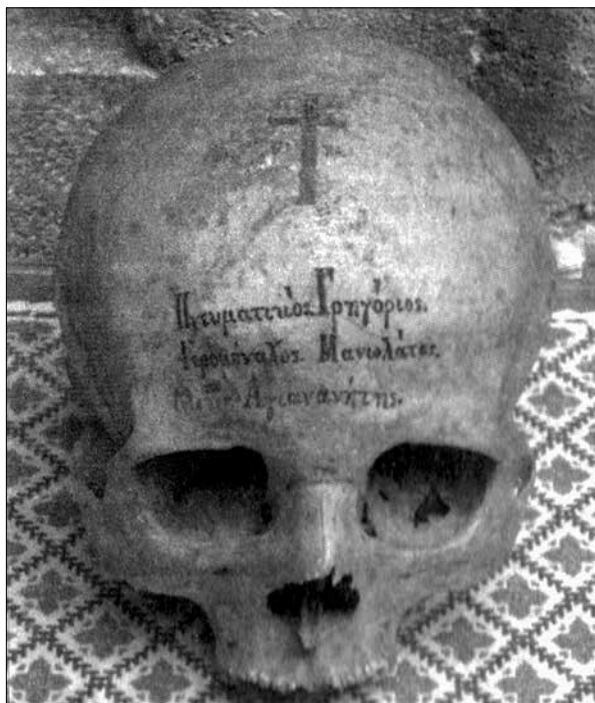
Как-то раз в торговый день отец Григорий сидел в Карие, продавая своё рукоделие. Выглядело это так: разложив на камнях вязаные чулки и свитера, он надвигал на глаза скуфью и, склонив голову, творил молитву Иисусову. В это время мимо проходил сосланный на Святую Гору патриарх Иоаким III. Вид старца, сидящего под навесом усыпальницы, держащего в руке чётки и опустившего взгляд вниз, произвёл на него сильное впечатление, и он спросил, кто это. Узнав, что старец — известный духовник отец Григорий, патриарх обрадовался, подошёл к нему и сказал:

— Отче, что же ты не расхваливаешь своё рукоделие? Оглянись вокруг: может, найдётся какой покупатель?

— Кому моё рукоделие нужно, Ваше Святейшество, тот и сам может ко мне подойти и купить, — ответил отец Григорий, не глядя на патриарха. — К чему же мне самому покупателей-то искать?

— Я подошёл к тебе, отец духовник, не для того, чтобы тебя искушать. Я хочу выбрать день и навестить тебя в твоей каливе, — сказал патриарх.

— Спасибо тебе, Ваше Святейшество, — смиренно ответил отец Григорий, — однако не бери на себя, пожалуйста, такой труд. Каливка моя очень маленькая,

Честная глава отца Григория

Келья Успения Пресвятой Богородицы,
где подвизался отец Григорий

потолки в ней низкие-пренизкие, и патриархи в ней не помещаются.

— Что ж, пусть будет маленькая и низкая, — улыбнулся патриарх. — Я пригнусь и помещусь.

— Если бы ты, Ваше Святейшество, умел пригнаться, то был бы сейчас не здесь в ссылке, а сидел бы в Константинополе на высоком троне, — ответил отец Григорий, имея в виду бескомпромиссность и мужество этого великого патриарха.

Патриарха привёл в восхищение лаконичный и удачный ответ духовника. Знакомство с отцом Григорием стало важной вехой в жизни Святейшего Патриарха Иоакима. Он действительно посетил старца в Малом скиту святой Анны. Старец стал духовником патриарха, и тот часто приходил к нему для исповеди и духовной беседы. Его Святейшество говорил, что отец Григорий — столп добродетели и монашеского жития. Патриарх подарил братству отца Григория литургические сосуды, церковные книги, а также бытовые предметы: тарелки, кружки и чашки. В те времена монахи жили бедно, и подаренная посуда кочевала из каливы в каливу окрестных скитов — отцы брали её на свои престольные праздники.

Однажды каливу отца Григория посетил епископ, приглашённый возглавить торжественное богослужение на престольном празднике в Великой Лавре. Владыка попросился на исповедь, однако старец, духом видя, что у того есть канонические препятствия к священству, не принимал его, говоря, что тот не окажет ему послушания. Епископ уверил отца Григория, что подчинится его слову, и старец принял его исповедь, после которой сказал, что епископ должен сложить с себя сан.

Архиерей смиренно принял благословение духовника, однако переживал, что пригласившая его Великая Лавра в свой престольный праздник, который должен был наступить через несколько дней, останется без архиерейского богослужения. Тогда отец Григорий предложил епископу постриг в великую схиму, после которого, согласно православной традиции, архиерей уже не может литургисать. Владыка принял великий постриг и оставил архиерейство.

Зная добродетельное житие отца Григория, с ним поддерживали связь и отшельники, как свидетельствовал блаженнопочивший игумен монастыря Дионисиат, отец Гавриил. Вот что рассказывал старец Григорий отцу Гавриилу:

«В Великий Четверг я служил Божественную Литургию, в конце которой в крохотный храм моей каливки вошёл юный монах, державший в руке зажжённый фонарь. Он сказал мне:

— Не потребляй все Святые Дары, святой духовниче. Я за тобой. Нужно, чтобы ты пошёл со мной и причастил трёх братьев, которые живут там, выше.

Я не стал задавать лишних вопросов и, взяв Святые Дары, пошёл за ним. Очень скоро, несмотря на мой преклонный возраст и крутой подъём, мы с ним вошли в просторную пещеру, где нас ожидали трое монахов. Они сразу же причастились Святых Тела и Крови Христовых и, поблагодарив меня, смиренно попросили:

— Святый отче! Пожалуйста, приди причастить нас и на будущий год, тоже в Великий Четверг. Только просим тебя никому ничего не говорить о нас.

Естественно, я не дерзнул спросить их ни о чём из того, что видел и слышал, и в сопровождении того же

самого юноши стал спускаться по тропинке. Вскоре юноша поцеловал святую дароносицу и сказал, что сейчас вернётся и догонит меня. Оглянувшись через полминуты, я увидел, что он исчез. Всё происшедшее потрясло меня. Однако, храня заповедь таинственных отшельников, я целый год никому ни о чём не рассказывал. А потом произошло вот что. У нас в скиту есть следующая традиция: вечером в Лазареву субботу все отцы приходят в соборный храм скита на всенощное бдение. После бдения, во время традиционного угощения, один из братии сказал:

— Как же низко пало нынешнее монашество! Сегодня уже нет отшельников, какие были раньше...

Тогда, по невниманию, я машинально произнёс:

— И сегодня, благодатию Божией, такие люди есть.

И на вопрос: “Где же?” — я ответил: “Вот здесь, на Эмоне*”, — и показал рукой.

На всех отцов произвели впечатление мои слова, но больше меня ни о чём не спрашивали, потому что все устали после всенощного бдения, были измождены постом и готовились расходиться по своим каливам. Пошёл в келию и я, по дороге укоряя себя за то, что проговорился.

И вот в Великий Четверг во время Литургии в моём храме снова появился тот же самый юный монах и сделал мне знак, по которому я понял, чего он хочет. Закончив Божественную Литургию, я положил в дароносицу Святые Дары и пошёл за ним. Вскоре мы пришли в ту же самую пещеру, где были год назад. Отцы нас ждали. Причастившись Святых Христовых Таин, старший сказал мне:

* Эмон — одно из предгорий Афонской вершины.

— Зачем же ты, святой духовниче, нарушил нашу заповедь и открыл нас братии?

Я не нашёлся, что ответить, и он продолжил:

— Ну ладно, что же теперь делать... Но за то, что ты проговорился, на будущий год не приходи сюда с Пречистыми Тайнами. Если же ты придёшь, то застанешь нас такими, как будет угодно Всеблагому Богу. И снова просим тебя: не рассказывай о нас никому.

На этот раз я ушёл из их пещеры один. Я был поражён этими необыкновенными людьми и недоумевал: как они могли узнать, что я рассказывал в соборном храме скита? Наконец, я утвердился в мысли, что Бог послал мне встречу со святыми мужами.

В следующем году, взяв с собой только антидор и крещенскую воду, я с огромным трудом добрался до этой пещеры, где нашёл всех трёх старцев мёртвыми. (Четвёртый — юноша, безусловно, был ангелом Господним, который им служил.) Старцы лежали на полу пещеры. Их вид был очень мирен, руки скрещены на груди. Став на колени, я поцеловал их руки и лбы. Их святые мощи были высохшими, из чего я заключил, что они отошли в вечные обители в тот самый день Великого Четверга в прошлом году, после причащения Пречистых Христовых Таин»*.

В другой раз отец Григорий совершал Божественную Литургию, и в самом конце, когда он остался в храме один и собирался потребить Святые Дары, в храме появились семеро подвижников, одетых в лохмотья, но сияющих от божественной благодати. Их сопровождал Свет. Отец Григорий смотрел на них в изумлении.

* Από τόν κήπο τοῦ παπποῦ. "Εκδ. τό Περιβόλι τῆς Παναγίας, 1994. Σελ. 71-74.

— Святой духовниче, мы знаем твою жизнь, — сказали они. — Мы живём недалеко, выше тебя в горах, и просим, чтобы ты приходил причащать нас. Единственное требование: никому не рассказывай о нас, иначе больше не увидимся.

Отец Григорий принял это условие, и вот время от времени к нему стали приходиться семь «обнажённых-невидимых»* подвижников, и он их причащал. Отец Григорий заранее знал, когда придут невидимые старцы, и в те дни не потреблял Пречистые Христовы Тайны, но ожидал их, пребывая в молитве. Старцы входили к нему в каливу через заднюю маленькую дверь. Их внешний вид был дивно благообразен, они шли с преподобническим благоговением, мирными и смиренными шагами, один за другим. Они сияли от благодати аскетической жизни и с умилением причащались Пречистых Тела и Крови Господних. Они всегда были молчаливыми, слегка согбенными в небольшом полупоклоне. Они просили прощения и благодарили духовника, который их причащал. Наученный опытом, отец Григорий уже как следует хранил эту тайну и радовался, что Бог сподобил его послужить этим освященным монахам.

* Согласно с живым и многократно подтверждённым святогорским Преданием, существуют семь или, по другим вариантам, двенадцать монахов, которые живут в предгорьях Афонской Горы. Эти монахи ведут совершеннейшую аскетическую жизнь и постоянно молятся за весь мир. Когда один из них умирает, его место замещает кто-то другой, и таким образом их количество остаётся неизменным. «Обнажёнными» они называются в переносном смысле, поскольку облачены в старые рваные рясы, а невидимыми — так как по благодати Божией они обычно сокрыты от людских глаз. — *Прим. сост.*

Но однажды к отцу Григорию пришёл на исповедь юный монах, которого душили помыслы. Он дошёл до отчаяния и решил возвратиться в мир, оправдывая себя тем, что, на Святой Афонской Горе якобы иссякла добродетель. Духовник пытался переубедить его, говоря, что это демонское наваждение, что добродетель есть, однако она сокрыта и не бросается в глаза. Юноша просил у старца осязаемых примеров, отказываясь верить его словам. Тогда для того, чтобы спасти душу монаха, духовник открыл ему тайну невидимых старцев. В день, когда должны были прийти семь подвижников, чтобы причаститься, отец Григорий посадил этого юношу в келейку напротив церкви так, чтобы он сам мог тайно увидеть старцев и убедиться в их существовании. Когда подвижники, как обычно, пришли и причастились, последний из них сказал старцу: «Святой духовниче, благодарим тебя, что ты столько лет преподавал нам Пречистые Тайны. Однако ты нарушил наш уговор и открыл нашу тайну. Больше ты нас не увидишь».

Юный монах пришёл в умиление и сокрушение от увиденного. Со слезами и сердечной болью попросил у духовника прощения, решив никуда не уходить со Святой Афонской Горы и подъять подвиг ради спасения своей души. Духовник с горечью ответил ему: «Ты-то получил пользу, а вот я из-за тебя потерял драгоценное сокровище, которое держал вот в этих самых руках».

После этого случая отец Григорий впал в глубокую скорбь из-за того, что потерял общение с равноангельными святыми отшельниками — невидимыми отцами, и, когда пришло время, скончался в 1899 году — на 90-м году своей жизни.

Перед кончиной старец со всеми подробностями рассказал своему братству о невидимых подвижниках, сделав это к утверждению, пользе, назиданию и во славу Божию.

Когда останки отца Григория доставали из могилы*, его честная глава имела цвет святых мощей**, и многие из присутствующих почувствовали благоухание.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

* По святогорской традиции останки усопшего монаха через три года после кончины достают из могилы и складывают кости и череп в усыпальнице.

** По афонской традиции считается, что жёлтый, восковой цвет останков монаха свидетельствует о его угождении Богу.